

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

УДК 339.54

**ЕС КАК ТОРГОВАЯ СИЛА: НАСТРОЙКА
ИНСТРУМЕНТОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

© 2024 **СЕРГЕЕВ Егор Александрович**

Кандидат экономических наук, доцент

Кафедра мировой экономики МГИМО МИД России, старший научный сотрудник

Института международных исследований МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76

E-mail: *sergeev.e.a@my.mgimo.ru*

© 2024 **СОРОКА Кристина Валентиновна**

Главный специалист-эксперт,

Отдел торговой защиты, Департамент торговых переговоров

Министерства экономического развития Российской Федерации

123112, Россия, Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2

E-mail: *soroka.krist@yandex.ru*

Поступила в редакцию 09.11.2023

Принята к публикации 02.07.2024

Аннотация. Объект исследования – направления трансформации внешнеэкономической политики Евросоюза в условиях глобальных изменений. Внешнеэкономическая деятельность рассматривается как совокупность инструментов торговой и инвестиционной политики. В статье проанализирована коммунитаризация основных направлений внешнеэкономической деятельности ЕС, выявлено частичное распространение исключительной компетенции наднациональных органов на инвестиционную политику. Исследование опирается на парадигму реализма, поэтому цель статьи – оценка роли внешнеэкономической политики в реализации интересов Евросоюза. ЕС, выступая «торговой силой», стремится не только достичь экономической выгоды, но и добиться выполнения торговым партнером требований нормативно-ценностного характера. В связи с трансформацией мирового порядка усиливается потребность ЕС в укреплении собственной политической субъектности и экономической конкурентоспособности. Это

приводит к расширению защитных мер в торговой политике (введение санкций за неисполнение положений об устойчивом развитии в торговых соглашениях) и инвестиционной политике (усиление механизма контроля прямых иностранных инвестиций), которые выражаются в еще большем усилении нормативно-ценностного содержания внешнеэкономической политики ЕС и росте протекционизма. Сделан вывод, что Евросоюз стремится создать международный торговый порядок, основанный на выгодных для интеграционного объединения правилах, корректируя инструменты внешнеэкономической политики.

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика Европейского союза, общая торговая политика ЕС, инвестиционная политика ЕС, торгово-инвестиционные соглашения, «торговая сила», нормативная сила

DOI: 10.31857/S0201708324040065

Перестройка миропорядка угрожает нарушить положение Евросоюза в глобальной иерархии. Традиционно ЕС опирался на либеральный характер глобальной экономики [Babić et al., 2022] и повышал политическую субъектность и экономическую конкурентоспособность посредством реализации внешнеэкономической политики и распространения европейских либерально-демократических ценностей. Нарушение базовых принципов этой системы ведет к корректировке инструментов внешнеэкономической политики. Можно предположить, что изменения включают постепенное увеличение защитных элементов и повышение значимости нормативного компонента.

Концептуализация современной внешнеэкономической политики ЕС

Внешеэкономическая политика Евросоюза охватывает не только торговлю товарами, но и другие формы внешнеэкономической деятельности [Исаченко, Рыбасова: 2003: 49]. Европейская интеграция способствовала коммунитаризации торговой политики объединения, что с принятием Лиссабонского договора привело к распространению исключительной компетенции ЕС на такие сферы, как торговля услугами, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), коммерческие аспекты интеллектуальной собственности, а также заключение международных торговых соглашений с третьими странами.

В условиях глобальных трансформаций применительно к анализу внешнеэкономической политики Евросоюза актуальность приобретают постулаты парадигмы реализма. С точки зрения наступательного реализма, ЕС, претендуя на роль центра силы и «обладая некоторым наступательным потенциалом» [Mearsheimer, 2001: 30], распространяет европейские ценности в странах, с которыми у него заключены торговые и инвестиционные соглашения, с целью поддержания «международного порядка, основанного на правилах», или «либерального международного порядка». С точки зрения концепции коммерческого реализма, Евросоюз стремится максимизировать экономическую мощь и конкурирует с другими ве-

дущими акторами международных отношений (прежде всего, с США и Китаем) за обладание «относительной выгодой» в глобальном распределении экономической власти и установление преференциальных торговых отношений с третьими регионами [Meissner, 2018: 42–44].

Логике парадигмы реализма соответствует идея открытой стратегической автономии (ОСА). Первоначально ОСА рассматривалась в качестве подхода к проведению общей политики безопасности и обороны (ОПБО). В 2020 г. эта концепция приобрела торгово-экономическую направленность, когда вследствие коронакризиса произошли нарушения глобальных цепочек поставок¹. Дополнительным вызовом стал рост противоречий в отношениях с США и Китаем, что обусловило необходимость укрепления экономической независимости, а также торгового и технологического суверенитета Евросоюза [Сергеев, Воротников, 2023]. Ставка сделана на усиление технологического, промышленного и цифрового потенциала ЕС в ключевых областях производства, чтобы сократить зависимость от Вашингтона и Пекина в таких областях, как цифровые платформы, телекоммуникационная инфраструктура, технологии чипов [Портанский, 2023].

ОСА заложена в основу актуальной концепции общей торговой политики (ОТП) ЕС «Открытая, устойчивая и решительная торговая политика», которая, в частности, предполагает усиление конкурентоспособности экономики Евросоюза и «сотрудничество, основанное на правилах». Последнее трактуется как использование «автономных инструментов для отстаивания своих интересов»² в международной торговле.

Наднациональный характер ОТП свидетельствует о том, что внешнеэкономическая политика ЕС стала частью механизма «внешних действий» (*external action*)³ объединения. Они должны соответствовать принципам, продвигаемым на глобальном уровне⁴, и выступают продолжением внешней политики и инструментом экспорта европейских ценностей в страны – партнеры по торгово-инвестиционным соглашениям [Borchert et al., 2020].

Взаимосвязь внешнеэкономической политики и нормативно-ценностного компонента позволяет рассматривать Евросоюз как «торговую силу» (*trade power*). Торговая политика ЕС осуществляется благодаря «неотъемлемой силе» (*inherent power*), выраженной в высоких показателях масштаба внутреннего рынка объединения, и «нормативной силе» (*normative power*) – способности распространять нор-

¹ Borrel J., Breton T. For a united, resilient and sovereign Europe. European Union External Action. 08.06.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-resilient-and-sovereign-europe-thierry-breton_en (дата обращения: 20.07.2023).

² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Trade Policy Review - An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. COM/2021/66 final. 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0066> (дата обращения: 20.07.2023).

³ Titievskaja J. EU trade policy. Frequently asked questions. Brussels. EPRS. 2019. 31 p. DOI: 10.2861/583720

⁴ Consolidated version of the Treaty on European Union. OJ C 326. 2012. URL: http://data.europa.eu/eli/treaty/teu_2012/oj (дата обращения: 21.07.2023).

мативные практики и ценности через торговлю на международном уровне [Meunier, Nicolaidis, 2011]. Евросоюз, выступая «торговой силой», стремится не только достичь собственных экономических интересов, но и добиться выполнения торговым партнером требований нормативно-ценностного характера.

Инструменты внешнеэкономической политики ЕС: торговая политика

Ключевыми направлениями внешнеэкономической политики Евросоюза выступают торговая политика и инвестиционная политика, а основным механизмом – заключение торгово-инвестиционных соглашений с контрагентами.

Торговая политика лежала в основе европейской интеграции, так как именно она была направлена на создание Единого рынка. ОТП ЕС насчитывает большое количество инструментов, которые в статье подразделяются на конвенциональные, т. е. входящие в сферу общей торговой политики, и неконвенциональные, которые не являются инструментами торговой политики в соответствии с учредительными договорами, но активно используются европейскими институтами в рамках внешней торговли. Например, можно рассматривать тарифные меры как конвенциональные, а санкции как неконвенциональные.

Единая таможенная политика ЕС предполагает применение различных ставок таможенных пошлин в зависимости от режима тарифного регулирования. Наиболее распространенным выступает режим наибольшего благоприятствования (РНБ) в отношении стран – членов Всемирной торговой организации.

Помимо РНБ Евросоюз использует тарифные режимы на основе общей системы преференций ЕС (ОСП) – системы режимов преференциальной торговли с развивающимися государствами, утвержденной регламентом Европарламента и Совета ЕС № 978/2012. ОСП предусматривает нулевые ставки таможенных пошлин на товары и включает три режима: Стандартную ОСП, Специальный механизм стимулирования устойчивого развития и надлежащего управления (ОСП+) и инициативу «Все, кроме оружия» (ВКО). ОСП+ дополняет программу Стандартной ОСП и направлен на поддержку уязвимых развивающихся стран за счет отмены пошлин на нечувствительные и чувствительные для Евросоюза товары, соответствующие 66% всех тарифных позиций ЕС, при условии ратификации и соблюдения 27 международных конвенций в области прав человека, трудовых прав, окружающей среды и надлежащего управления¹.

Выбор тарифного режима зависит от экономического развития контрагента ЕС: Стандартная ОСП и ОСП+ применяются к странам с низким доходом или доходом ниже среднего, ВКО – к наименее развитым странам. Важнейшую роль играет соответствие страны критериям обусловленности (*conditionality*). Например, в сентябре 2021 г. Еврокомиссия (ЕК) в законопроекте об обновлении ОСП на период

¹ Towards a Stronger EU Generalised Scheme of Preferences. European Commission. 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/fs_21_4803 (дата обращения: 15.08.2023).

2024–2034 гг. предложила распространить требование ОСП+ о соблюдении 27 конвенций на Общую ОСП и ВКО, ввести возможность прекращения действия тарифных режимов при «серьезных и систематических нарушениях принципов надлежащего управления и конвенций об охране окружающей среды», а также увеличить число конвенций, которые необходимо соблюдать странам-участницам ОСП+, до 33¹. По итогам 2023 г. государствам-членам не удалось договориться о параметрах пересмотра преференций, что вынудило их продлить сроки функционирования старой системы².

Действие режимов ограничено. Общая ОСП предполагает беспошлинный экспорт нечувствительных товаров и снижение пошлин на 3,5 п.п. на чувствительные. Она прекращает применяться, если средняя стоимость импорта Евросоюзом таких товаров за три года подряд превышает пороговое значение в 57% от совокупной стоимости импорта ЕС товаров такой же товарной позиции из всех стран – бенефициаров Общей ОСП³. ЕК каждые три года пересматривает решение о приостановке действия тарифных преференций при превышении пороговых значений. В результате последнего пересмотра в июне 2022 г. приостановлен беспошлинный импорт в Евросоюз товаров по девяти товарным линиям из Индии, по четырем – из Индонезии и по одной – из Кении⁴.

Действие Стандартной ОСП и ОСП+ прекращается, если страна-бенефициар становится, в соответствии с классификацией Всемирного банка, страной со средним уровнем дохода или уровнем дохода выше среднего или она вступает в другое соглашение о преференциальной торговле с ЕС (При этих условиях ВКО не перестает функционировать). На 1 января 2023 г. наибольшее число бенефициаров насчитывается в ВКО (57). Восемь государств являются бенефициарами ОСП+, десять – Стандартной ОСП⁵.

Кроме того, Евросоюз располагает обширной системой торговых соглашений как с развитыми, так и развивающимися странами. На сегодняшний день ЕС за-

¹ A new GSP Framework. GSP Hub. 2023. URL: <https://gsphub.eu/about-gsp/gsp-review> (дата обращения: 15.08.2023).

² Ensuring Continuity: EU Extends Generalized Scheme of Preferences (GSP) Regulation until the end of 2027. GPS Hub. 2024. URL: <https://gsphub.eu/news/GSP-extension-2027> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Generalized System of Preferences, Handbook on the Scheme of the European Union, Fifth Edition. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva. 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/itcdtsbmisc25rev5_en.pdf (дата обращения: 16.08.2023).

⁴ Commission Implementing Regulation (EU) 2022/1039 2022 laying down rules for the application of Regulation (EU) No 978/2012 of the European Parliament and of the Council as regards the suspension for the year 2023 of certain tariff preferences granted to certain GSP beneficiary countries. OJEU. L. 173/58. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1039> (дата обращения: 16.08.2023).

⁵ List of GSP beneficiary countries. European Commission. 2023. URL: <https://circabc.europa.eu/ui/group/f243659e-26f5-44d9-8213-81efa3d92dc7/library/83191464-a9b5-4973-a3a9-fe17e57d68e8/details> (дата обращения: 17.08.2023).

ключил 41 торговый договор с 72 государствами¹. ЕК выделяет четыре типа соглашений (Табл. 1).

Таблица 1

Типы торговых соглашений ЕС

Название	Примеры
Устранение тарифных барьеров (<i>tariff elimination</i>). Соглашения «первого поколения».	Соглашения об ассоциации (<i>Association Agreements</i>) со странами Панъевропейско-Средиземноморской конвенции, соглашения о Европейском экономическом пространстве (ЕЭП), соглашения с Турцией, Андоррой и Сан-Марино в рамках Таможенного союза, соглашения о стабилизации и ассоциации (<i>Stabilisation and Association Agreements</i>) со странами Западных Балкан, соглашения с Мексикой и Чили.
Предоставление большего взаимного доступа на рынки (<i>more comprehensive market access</i>). Соглашения «второго поколения».	Соглашения с Канадой, Сингапуром, Южной Кореей, Вьетнамом, Японией.
Приведение нормативно-правовой базы контрагентов ЕС в соответствие с законодательством Союза (<i>legal approximation</i>).	Соглашения об ассоциации с Грузией, Молдавией и Украиной (соглашения о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли)
Сотрудничество в целях развития (<i>development cooperation</i>)	Соглашения об экономическом партнерстве (<i>Economic Partnership Agreements</i>) преимущественно с африканскими, карибскими и тихоокеанскими странами.

Источник: Trade Agreements. Directorate General for Trade, European Commission. 2023. URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/trade-agreements-0> (дата обращения: 04.09.2023).

Несмотря на то что эта классификация охватывает значительное количество соглашений, она не отражает динамику развития отношений ЕС с контрагентами. Например, в 2018 г. было достигнуто принципиальное соглашение Евросоюза и Мексики по обновлению Глобального соглашения 2000 г. Основная причина пересмотра заключалась в том, что оно было выгоднее ЕС. В соответствии с соглашением обе стороны сняли меры тарифной защиты для промышленной продукции. Однако значительную часть экспорта мексиканских промышленных товаров в Евросоюз составляли товары европейских транснациональных компаний, произведённые аффилированными фирмами в Мексике [de Luna Barrios, 2016]. Р. Мирамонтес

¹ Global Europe. The value of free and fair trade. European Council, Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/eu-free-trade/> (дата обращения: 04.09.2023).

объяснил ошибку в заключении соглашения тем, что «зрелость европейских правительств побуждает их принять и вести игру в рамках и в духе свободной торговли, но помогая и защищая своих производителей и потребителей в таком виде, который будет им всегда выгоден» [de Luna Barrios, 2016].

В обновленное соглашение, помимо снятия ряда мер тарифной и нетарифной защиты, включены актуальные положения о защите инвестиций, устойчивом развитии и доступе на рынок государственных закупок. Новый документ по всем характеристикам относится не к первому, а ко второму типу соглашений. При этом, согласно оценкам «ЛСЭ Консалтинг» (*LSE Consulting*), модернизация соглашения принесет пользу обеим сторонам: общий объем двусторонней торговли товарами и услугами ЕС и Мексики увеличится на 17% по консервативному сценарию и на 75,1% – по более амбициозному. Импорт товаров и услуг в Евросоюз вырастет на 9,3% при консервативном сценарии и на 32,5% – при амбициозном¹.

Торговля с Вьетнамом также подтверждает взаимовыгодный характер соглашений ЕС. Согласно оценкам Австрийского фонда исследований в области развития, предполагаемые экономические результаты либерализации торговли для Вьетнама являются положительными. В сочетании с благоприятным воздействием на реальное внутреннее потребление, чистый экспорт в ЕС позитивно повлиял на реальный ВВП страны, который по оценкам на 2018 г. увеличился на 0,48% [Grumeller, Jan et al., 2018].

Таким образом, торговые соглашения Евросоюза оказывают положительный экономический эффект на стран-партнеров. Последние согласны «играть по правилам» ЕС, за счет чего Брюссель добивается внешнеполитических целей.

Примером неконвенциональных мер выступают экономические санкции, которые, будучи официально инструментом ОВПБ ЕС, все чаще применяются в рамках ОТП в качестве ответной меры за несоблюдение ценностных требований бенефициаром экономических преференций. Например, в августе 2020 г. вступило в силу решение о частичном лишении Камбоджи преференциального доступа на рынок Евросоюза в рамках ВКО. Причина временной приостановки действия режима – «серьезные и систематические проблемы, связанные с правами человека, выявленными в стране»².

В августе 2022 г. ЕК опубликовала сообщение, в котором определены приоритеты в области продвижения устойчивого развития в ОТП ЕС. Одним из них выступает введение механизма санкций в случае «серьезных нарушений ключевых положений об устойчивом развитии в торговле, в особенности фундаментальных

¹ European Commission, Directorate-General for Trade Sustainability Impact Assessment in support of the negotiations for the modernization of the trade pillar of the Global Agreement with Mexico – Final report. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2019. URL: 10.2781/575630 (дата обращения: 11.03.2024).

² Cambodia loses duty-free access to the EU market over human rights concerns. European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1469 (дата обращения: 05.09.2023).

трудовых прав, утвержденных Международной организацией труда, а также положений Парижского соглашения по климату»¹.

Новым в политике Евросоюза выступает стремление постепенно увеличивать давление на экономических агентов третьих стран в случае возможного обхода ограничительных мер, введенных против России. Во-первых, это указывает на расширение трактовки принципа территории ЕС, на которой действуют ограничения. Во-вторых, Брюссель пытается использовать доступ на внутренний рынок как инструмент давления с целью соблюдения санкционного режима [Bismuth, 2023].

Следовательно, торговая политика Евросоюза характеризуется не только высоким уровнем нормативного компонента, который обязывает контрагента соблюдать нормы в области прав человека, защиты окружающей среды и надлежащего управления и исполнять определенные требования, установленные Брюсселем.

Инструменты внешнеэкономической политики ЕС: инвестиционная политика

Инвестиционная политика – неотъемлемая часть ОТП. Однако исключительная компетенция Евросоюза распространяется только на движение ПИИ. В соответствии с заключением Суда ЕС от 16 мая 2017 г. Брюссель не обладает исключительной компетенцией в области портфельных инвестиций и механизме урегулирования споров инвесторов с государством. Решение суда основано на отсутствии соответствующих норм в Договоре о функционировании ЕС².

Частичное распространение исключительной компетенции Евросоюза на инвестиционную сферу свидетельствует о разногласиях наднациональных органов с государствами-членами. Противоречия заключаются в незавершенном характере реформы инвестиционных соглашений, сложностях с ратификацией инвестиционных положений ряда соглашений «второго поколения», а также различиях в национальных системах мониторинга ПИИ.

В 2012 г. с принятием регламента № 1219/2012 начата реформа, цель которой – переход от двусторонних соглашений государств-членов с третьими странами к двусторонним инвестиционным договорам (ДИД) или договорам, содержащим инвестиционные положения (*Treaties with Investment Provisions, TIP*), заключенным на уровне ЕС. Это соответствует общей логике изменения практики заключения международных экономических соглашений Евросоюза – от смешанных

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The power of trade partnerships: together for green and just economic growth. COM(2022) 409 final. 2022. URL: <https://circabc.europa.eu/ui/group/8a31feb6-d901-421f-a607-ebbdd7d59ca0/library/8c5821b3-2b18-43a1-b791-2df56b673900/details> (дата обращения: 18.09.2023).

² Opinion 2/15. Court of Justice of the European Union. 2017. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=190727&doclang=EN> (дата обращения: 18.09.2023).

(*mixed*) соглашений к несмешанным (*non-mixed*, “*EU-only*”). Последние не только снижают риски нератификации, но и повышают роль Европарламента и ограничивают участие государств – членов ЕС в ОТП квалифицированным большинством голосов в Совете министров [Kleimann, 2020].

Например, в декабре 2020 г. была достигнута принципиальная договоренность по Всеобъемлющему соглашению об инвестициях с Китаем, которое направлено на либерализацию инвестиций. В частности, сторона наделяется правом создавать государственные предприятия и обязуется предоставлять РНБ товарам и услугам, поставляемым инвесторами или государственными предприятиями другой стороны. Соглашение также предусматривает положения о транспарентности субсидий, запрете на принудительную передачу технологий и устойчивом развитии.

Несмотря на прорывной характер положений, связанных с установлением т. н. равных условий (*level playing field*), соглашение не было ратифицировано ни одной из сторон, а дальнейшие переговоры по его развитию заморожены [Kuang, Orbie, Blancquaert, 2023]. Продолжают действовать двусторонние соглашения государств-членов с Китаем.

В рамках реформы регламента № 1219/2012 определен восьмилетний переходный этап, в ходе которого государства-члены обязаны уведомить ЕК обо всех ДИД с третьими странами, заключенными до 1 декабря 2009 г. или до даты вступления страны в ЕС, а также устранить несоответствия таких соглашений с законодательством Евросоюза¹. Тем не менее по итогам переходного периода в 2020 г. было решено продлить действие регламента из-за запросов государств-членов на внесение поправок в существующие соглашения, а также неизвестных сроков перехода на договоры, заключенные на уровне ЕС². Следовательно, реформа инвестиционных соглашений остается незавершенной.

Сохраняется проблема частичной ратификации соглашений «второго поколения». До сих пор не согласованы положения об инвестициях в торговом соглашении с Канадой, а также соглашения Евросоюза о защите инвестиций с Сингапуром и Вьетнамом³. В этом состоит основной недостаток соглашений «второго поколения», заключение которых несет политические и юридические риски, так как предусматривает ратификацию национальными парламентами. Например, накануне

¹ Regulation (EU) No. 1219/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 establishing transitional arrangements for bilateral investment agreements between Member States and third countries. OJEU. L 351/40. 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32012R1219> (дата обращения: 21.09.2023).

² Report from the Commission to the European Parliament and on the application of Regulation (EU) No. 1219/2012 establishing transitional arrangements for bilateral investment agreements between Member States and third countries. European Commission. COM(2020) 134 final. 2020. URL: <https://secure.ipex.eu/IPEXL-WEB/download/file/8a8629a870a42d5301714faf6ee65764> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Overview of ongoing bilateral and regional negotiations. European Commission. 2023. URL: <https://circabc.europa.eu/rest/download/a7aab8e0-085d-4e36-826f-cbe8e913cf13?ticket=> (дата обращения: 25.09.2023).

подписания соглашения ЕС с Канадой парламент Валлонии пригрозил заблокировать ратификацию [Conconi, Herghelegiu, Russo, 2021].

Наконец, сохраняются различия в уровне развития национальных систем проверки прямых иностранных инвестиций. Общеввропейская система мониторинга ПИИ была создана в соответствии с регламентом 2019/452 Европарламента и Совета ЕС с целью введения ограничительных мер в отношении потока импортированных прямых иностранных инвестиций и наделения Евросоюза и государств-членов полномочиями «по проверке ПИИ в ЕС по соображениям безопасности или общественного порядка»¹. Основанием для создания этого механизма выступает стремление иностранных инвесторов (в т. ч. принадлежащих государству или контролируемых им) приобрести контроль или влияние в европейских фирмах, деятельность которых связана с критически важными технологиями, инфраструктурой, ресурсами или конфиденциальной информацией.

Государства – члены ЕС наделяются полномочиями по установлению систем скрининга прямых иностранных инвестиций. Именно на национальном уровне принимается окончательное решение о безопасности ПИИ, так как ЕК не имеет права напрямую блокировать инвестиции. По состоянию на октябрь 2023 г. 21 государство-член сообщило Еврокомиссии о национальных системах проверки прямых иностранных инвестиций².

В октябре 2023 г. ЕК опубликовала отчет об исполнении регламента 2019/452 за 2022 г. В нем указано, что государства-члены по-прежнему имеют значительные различия в отношении «формальной процедуры скрининга», сроков проверки, отраслевого охвата, требований к отчетности³. Шесть из них до сих пор не обладают собственным механизмом проверки, а 66% просьб о выдаче разрешений инвесторам из третьих стран разместить ПИИ приходится на четыре страны ЕС⁴.

Эксперты расходятся во мнениях по поводу последствий этой системы для экономики. С одной стороны, блокирование инвестиций может негативно повлиять на страну-импортера, вызвать замедление притока ПИИ и увеличение финансовых затрат⁵. С другой – система проверки усиливает экономическую безопасность Ев-

¹ Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. OJEU. L1 79/1. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 25.09.2023).

² List of screening mechanisms notified by Member States. European Commission. 09.10.2023. URL: <https://circabc.europa.eu/rest/download/7e72cdb4-65d4-4eb1-910b-bed119c45d47> (дата обращения: 09.10.2023).

³ Third Annual Report on the screening of foreign direct investments into the Union. European Commission. 2023. URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=COM\(2023\)590&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=COM(2023)590&lang=en) (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Там же.

⁵ Mccalman P., Puzzello L., Voon T., Walter A. (2022) Screening of Chinese investments intensifies. Investment Treaty News. 26.12.2022. URL: <https://www.iisd.org/itn/en/2022/12/26/screening-of-chinese-investments-intensifies1-phillip-mccalman-laura-puzzello-tania-voon-andrew-walter/> (дата обращения: 10.10.2023).

росоюза, а также способствует укреплению суверенитета ЕС в стратегически важных отраслях экономики.

Таким образом, сегодня можно говорить о контурах единой инвестиционной политики Евросоюза. Исключительная компетенция ЕС распространена только на сферу ПИИ, а на уровне государств-членов существуют различия в исполнении предписаний Еврокомиссии.

Внедрение механизма скрининга потока импортированных прямых иностранных инвестиций противоречит ценностям свободной и неконтролируемой торговли, что демонстрирует желание Брюсселя придерживаться собственных принципов в выстраивании «международного торгового порядка, основанного на правилах».

* * *

Евросоюз, рассчитывая повысить собственную субъектность и усилить конкурентоспособность Единого рынка, проводит многоплановую внешнеэкономическую политику и использует для этого ряд торговых и инвестиционных инструментов. Сегодня Брюссель пытается стать более независимым в проведении внешнеэкономической политики, что выражается в концепции ОСА.

Внешнеэкономическая политика Евросоюза основана на продвижении нормативно-ценностных предписаний и применении санкционных методов за их ненадлежащее исполнение. ЕС, будучи «торговой силой», стремится не только достичь собственных экономических целей, но и добиться выполнения торговым партнером определенных требований ценностного характера.

С этой целью Евросоюз использует методы торговой и инвестиционной политики как инструменты продолжения внешней политики. Несмотря на то что на основе общей системы преференций ЕС применяются преференциальные тарифные меры по отношению к уязвимым развивающимся государствам, сохранение тарифных режимов в рамках ОСП зависит от соблюдения контрагентами ряда норм. Усиление контроля над инвестициями в рамках системы проверки ПИИ также демонстрирует отход Евросоюза от постулатов глобализации в международной торговле и усиление протекционизма.

Во внешнеэкономической политике Брюссель стремится создать международный торговый порядок, основанный на выгодных ему правилах, однако место и роль ЕС в мировой системе будет зависеть от его способности преодолеть внутриполитические и внутриэкономические противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исаченко Т.М., Рыбасова А.В. (2003) *Внешнеторговая политика Европейского Союза: основные инструменты и направления развития*. МГИМО, Москва. 178 с.

Портанский А.П. (2023) ЕС – США: новые барьеры в торговле. *Современная Европа*. № 4. С. 119–131. DOI: 10.31857/S020170832304006X

Сергеев Е.А., Воротников В.В. (2023) *Стратегия Европейского союза в условиях глобальной перестройки: автономия или этаназия?* МГИМО-Университет, Москва. 52 с.

Babić M., Dixon A.D., Liu I.T. (ed.) (2022) *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. 206 p. DOI: 10.1007/978-3-031-01968-5

Bismuth R. (2023) The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law. *RED*. Vol. 5. Issue 1. P. 8–13.

Borchert I., Conconi P., Di Ubaldo M., Herghelegiu C. (2020) EU trade policies: Carrot-and-stick mechanisms in pursuit of non-trade policy objectives. *ECDPM Great Insights magazine*. Vol. 9. Issue 2. URL: <https://ecdpm.org/great-insights/square-pegs-round-holes-trade-policy/eu-trade-policies-non-trade-objectives/> (accessed: 21.07.2023).

Conconi P., Herghelegiu C., Puccio L. (2021) EU Trade Agreements: To Mix or not to Mix: That is the Question. *Journal of World Trade*. Vol. 55. No. 2. P. 231–260. DOI: 10.54648/TRAD2021009

de Luna Barrios A.M. (2016) The Free Trade Agreement between the European Union and Mexico – Impact on Trade and Foreign Direct Investment. *Revista Chilena de Derecho*. Vol. 43. No. 1. P. 115–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-34372016000100006>

Kleimann D. (2020) The Legitimacy of “EU-only” Preferential Trade Agreements. *The Law and Practice of the Common Commercial Policy*. Ed. by M. Hahn, G. Van der Loo. Brill, Leiden, Netherlands. P. 461–485. DOI: 10.1163/9789004393417_021

Kuang S., Orbie J., Blancaquaert S. (2023) The rise and fall of the EU-China Comprehensive Agreement on Investment: “open strategic autonomy” in action. *Journal of Contemporary European Studies*. DOI: 10.1080/14782804.2023.2293779

Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. W.W. Norton, N.Y., USA. 555 p.

Meissner K.L. (2018) *Commercial Realism and EU Trade Policy: Competing for Economic Power in Asia and the Americas*. Routledge, Abingdon, UK; N.Y., USA. 215 p.

Meunier S., Nicolaïdis K. (2011) The European Union as a Trade Power. *International Relations and the European Union*. Ed. by C. Hill, M. Smith. Oxford University Press, N.Y., USA. P. 275–298.

EU as a Trade Power: Adjusting Instruments of Foreign Economic Policy

E.A. Sergeev

*Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Department of World Economy, MGIMO University,
senior researcher, the Institute for International Studies, MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454
E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru*

K.V. Soroka

*Chief specialist-expert,
Division of trade remedies, Department of Trade negotiations,
Ministry of Economic Development of the Russian Federation
10, build. 2, Presnenskaya embankment, Moscow, Russia, 123112
E-mail: soroka.krist@yandex.ru*

Abstract. The focus of this study is aimed at the foreign economic policy of the European Union and the areas of its implementation. The article is based on a comprehensive approach to the concept of EU foreign economic policy as a set of instruments combining trade and investment policies of the EU. The study evaluates the communitarization of the main directions of the EU's foreign economic policy. As a result, it is concluded that the exclusive competence of the supranational bodies of the Union is partially extended to investment policy. Considering that the paradigm of realism is taken as the basis for the study, the subject of the article is to assess the role of the EU's foreign economic policy in the realization of the Union's foreign policy interests. The authors believe that the European Union as a "trade power", seeks not only to achieve economic benefits, but also to ensure that its trading partners meet a number of regulatory and value requirements. Taking into account the transformation of the world order, the need for the European Union to strengthen its own political subjectivity and economic competitiveness is increasing. This leads to the expansion of "defensive" measures in trade policy (sanctions mechanism for non-compliance with the provisions on sustainable development in trade agreements) and investment policy (mechanism for controlling foreign direct investments). As a result, it strengthens the normative and value content of EU foreign economic policy on one hand and make it more protectionist on the other hand. The authors of the article conclude that by means of foreign economic policy, the European Union, as a "trading force", seeks to create and maintain an international trade order based on rules that are beneficial to the EU.

Keywords: European Union's foreign economic policy, EU's common commercial policy, EU's investment policy, trade and investment agreements, trade power, normative power

DOI: 10.31857/S0201708324040065

REFERENCES

- Isatchenko T.M., Rybasova A.V. (2003) *Vneshnetorgovaya politika Yevropeiskogo soyuza: osnovniye instrumenti i napravleniya razvitiya* [The Foreign Trade Policy of the European Union: Main Tools and Areas of Development], MGIMO, Moscow, Russia. (In Russian).
- Portanskij A.P. (2023) *ES – SSHA: novye bar'ery v torgovle*. [EU – USA: New Trade Barriers], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 119–131. DOI: 10.31857/S020170832304006X (In Russian).
- Sergeev E.A., Vorotnikov V.V. (2023) *Strategiya Evropejskogo soyuza v usloviyah global'noj perestrojki: avtonomiya ili evtanaziya?* [The Strategy of the European Union in the Context of Global Restructuring: Autonomy or Euthanasia?], MGIMO University, Moscow, Russia. (In Russian).
- Babić M., Dixon A.D., Liu I.T. (ed.) (2022) *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. DOI: 10.1007/978-3-031-01968-5
- Bismuth R. (2023) The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law, *RED*, 5(1), pp. 8–13.
- Borchert I., Conconi P., Di Ubaldo M., Hergehelegiu C. (2020) EU trade policies: Carrot-and-stick mechanisms in pursuit of non-trade policy objectives, *ECDPM Great Insights magazine*, 9(2). URL: <https://ecdpm.org/great-insights/square-pegs-round-holes-trade-policy/eu-trade-policies-non-trade-objectives/> (accessed: 21.07.2023).

Conconi P., Herghelegiu C., Puccio L. (2021) EU Trade Agreements: To Mix or not to Mix: That is the Question, *Journal of World Trade*, 55(2), pp. 231–260. DOI: 10.54648/TRAD2021009

de Luna Barrios A.M. (2016) The Free Trade Agreement between the European Union and Mexico – Impact on Trade and Foreign Direct Investment, *Revista Chilena de Derecho*, 43(1), pp. 115–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-34372016000100006>

Kleimann D. (2020) The Legitimacy of “EU-only” Preferential Trade Agreements, in Hahn M., Van der Loo G. (ed.) *The Law and Practice of the Common Commercial Policy*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 461–485. DOI: 10.1163/9789004393417_021

Kuang S., Orbie J., Blancquaert S. (2023) The rise and fall of the EU-China Comprehensive Agreement on Investment: “open strategic autonomy” in action, *Journal of Contemporary European Studies*. DOI: 10.1080/14782804.2023.2293779

Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. W.W. Norton, N.Y., USA.

Meissner K.L. (2018) *Commercial Realism and EU Trade Policy: Competing for Economic Power in Asia and the Americas*, Routledge, Abingdon, UK; N.Y., USA.

Meunier S., Nicolaïdis K. (2011). The European Union as a Trade Power, in Hill C., Smith M. (ed.). *International Relations and the European Union*, Oxford University Press, N.Y., USA, pp. 275–298.